

блзненный, а гораздо болѣе грубой, первобытной, безсмысленной Марьей. Не вѣчно-женственное, а грубо-женское взяло его въ свой стихійный плѣнъ.

Центральныя сцены разсказа, встрѣча Сергія и Маковвиной, безспорно, принадлежать къ самому сильному и возвышенному, что есть въ міровой литературѣ. Ихъ нельзя читать безъ глубокаго потрясенія. Не только побѣждена соблазнительность сюжета (которой едва ли могли бы противостать современные изобразители наготы), но и все цѣлое вообще представляетъ удивительное сочетаніе идеала и реальности. Здѣсь вмѣстѣ—и біографія, и житіе, князь Касатскій и отецъ Сергій, темная чувственность и религія духа: это многократное „уйди!“, обращаемое пустынникомъ къ женщинѣ, Христомъ къ Сатанѣ, и эти просвѣтленныя слова его: „молись, чтобы Богъ простилъ насъ“,—на сѣ: отецъ Сергій одною общей виной объединяетъ себя и соблазнительницу...

Но вины нѣтъ, и Касатскій не хуже Сергія. Монашество потому не удовлетворяетъ его, что оно меньше природы. Оно—часть: цѣлому хочется цѣлаго. Не только угнетала отца Сергія опошленность религіи и то, что онъ поневолѣ больше жилъ на людяхъ, чѣмъ въ Богѣ, и что внутренняго челоуѣка вытѣснялъ въ немъ внѣшній (обычная тема стараго Толстого),—но и то особенно мучило его, что въ своей отдаленности отъ жизни, отъ ея радостей и скорбей, отъ ея шума и зова, онъ все меньше и